

УДК 821.161.1

doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/02

Буханцова Е.В.

СЕВАСТОПОЛЬСКИЕ РАССКАЗЫ Л.Н. ТОЛСТОГО: ТРИЛОГИЯ О ГЕРОИЧНОСТИ ЖИЗНИ В ТРАГИЧЕСКИХ ОБСТОЯТЕЛЬСТВАХ

Аннотация. Творчество Л.Н. Толстого интересует критиков. Любопытны работы В. Днепров, в которых сравниваются романы Л.Н. Толстого и М.Ф. Достоевского; исследования Ф. Гуревича, рассматривающего отражение романтической и реалистической традиций в произведениях великого писателя. К. Кедров изучал трудные судьбы толстовских героев. Е. Полякова посвятила статьи взаимосвязи основных действующих лиц с природой, окружающим миром. А. Чичерин, И. Вишневская описали душевные искания толстовских героев. Н. Гусев раскрыл пластичность, выразительность художественных образов. Практически в каждом из перечисленных исследований затрагивалась тема антивоенного направления творчества знаменитого романиста. Однако без раскрытия способов изображения неестественного характера войны, ее разрушительного влияния на человечество, системы взаимодействия с ней народа; проблемы выбора линии поведения в боевой обстановке (наличия или отсутствия оснований быть героем, оставаться на передовой или дезертировать, проявлять истинную или фальшивую доблесть) – всего, что связано с ведущими темами «Севастопольских рассказов». Новизна данного исследования заключается в том, что оно направлено на изучение именно этого аспекта. Предметом работы является обобщение приемов, которые помогли Л.Н. Толстому создать в трилогии особый образ войны, показать под разными углами поведение людей в ситуации вооруженного столкновения, дать оценку трусости и храбрости. Детальное описание художественных средств докажет, что писатель воспринимал войну как неоднозначную силу. Цель исследования – описать средства выражения одинаковой трагичности будничных дел и военных событий в «Севастопольских рассказах». В соответствии с целью предполагается решить следующие задачи: – выявить особенности времени, в которое были созданы «Севастопольские рассказы»; – показать отношение великого писателя к войне; – раскрыть трагическую подоплеку героического поведения. Методика исследования – сравнительно-литературоведческий анализ.

Ключевые слова: герои войны; о доблестях, подвигах; битва героев; мужество и героизм; примеры героизма; трагизм.

Сведения об авторе: Буханцова Евгения Владимировна, старший преподаватель кафедры иностранных языков Черноморского высшего военно-морского орденов Нахимова и Красной Звезды училища им. П.С. Нахимова (г. Севастополь), ORCID 0000-0002-8731-9174.

Контактная информация: 299028, г. Севастополь, ул. Дыбенко, д. 1а, ауд. 258, тел.: +7-978-044-63-40, e-mail: e.v.bukhantsova@gmail.com

E.V. Bukhantsova

**“SEVASTOPOL STORIES” BY L. TOLSTOY:
A TRILOGY ABOUT THE TRAGEDY OF LIFE IN HEROIC CIRCUMSTANCES**

Abstract. Tolstoy’s literary legacy has always been of interest to critics. V. Dneprov compared Tolstoy’s and Dostoevsky’s novels. F. Gurevich investigated romantic and realistic traditions in great writer’s works. K. Kedrov studied the difficult destinies of Tolstoy’s heroes. E. Polyakova devoted articles to the relationship of the main actors with nature, the surrounding world. A. Chicherin, I. Vishnevskaya described the spiritual quest. N. Gusev revealed the plasticity and expressiveness of Tolstoy’s artistic images. Practically in each of these studies, they discussed the topic of anti-war message in Tolstoy’s novels. But there are no works devoted to the description of Tolstoy’s methods depicting the unnatural nature of war, the problem of choosing a line of conduct in a combat situation when everyone can be a hero or a coward. This article is aimed to study this aspect. The subject of this work is to generalize the techniques that help L. Tolstoy to create a special image of war in “Sevastopol Stories”. A detailed description of artistic means proves that the writer perceives war as an ambiguous drive. The aim of the article is to identify the means of expressing the same tragedy of everyday affairs and military events in “Sevastopol stories”. Objectives are following: – to identify the features of the time in which “Sevastopol Stories” were created; – to show L. Tolstoy’s attitude to the war; – to describe the tragic background of heroic behavior. The research methodology is a comparative literary analysis.

Key words: war heroes; about valor, exploits; battle of heroes; courage and heroism; examples of heroism; tragedy.

About the author: Bukhantsova Evgenia Vladimirovna, senior teacher of the Department of Foreign Languages, Black Sea Higher Naval School named after P.S. Nakhimov (Sevastopol), ORCID 0000-0002-8731-9174.

Contact information: 299028, Sevastopol, st. Dybenko, 1a, room 258, Tel.: +7-978-044-63-40, e-mail: e.v.bukhantsova@gmail.com

Буханцова Е.В. Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого: трилогия о героичности жизни в трагических обстоятельствах // Нижневартровский филологический вестник. 2024. №1. С. 18-32. <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/02>

Bukhantsova, E.V. (2024). “Sevastopol Stories” by L. Tolstoy: a Trilogy About the Tragedy of Life in Heroic Circumstances. *Nizhnevartovsk Philological Bulletin*, (1), 18-32. (in Russian). <https://doi.org/10.36906/2500-1795/24-1/02>

Мир всегда раздирали вооруженные конфликты. Они продолжаются до сих пор, тлеют или находятся в острой фазе. Потому до сих пор актуально обсуждать военные произведения, которые выявляют подоплеку боевых действий, показывают разное отношение людей к войне, поднимают вопрос о пользе или вреде агрессивного решения вопросов. Немало дискуссий сегодня вызывают очерки, посвященные Крымской войне. Например, трилогия «Севастопольские рассказы» – многогранное произведение, написанное в смутные годы, которые ознаменовались революционными событиями в Европе; эпоху, когда действия властей лишь обостряли идеологические коллизии.

В России наступала пора утверждения капитализма, время крушения вековых патриархальных устоев, разрыва привычных общественных связей, усиливающегося разделения людей. Однако среди важнейших вопросов русской жизни завершающего пореформенного десятилетия зарождающиеся буржуазные отношения занимали последнее место. Особую остроту в то время приобретали проблемы, связанные со старыми крепостническими отношениями, которые уже шли вразрез с меняющимися экономическими, правовыми, идеологическими устоям.

Сложность ситуации усугублялась невозможностью простого повторения европейского опыта. Общество сотрясали противоречия. Сама действительность уже казалась ирреальной, невероятной, фантастической. Ясной становилась необходимость поиска оригинального исторического пути, ведущего к более справедливому, гуманному социальному строю. Все слои населения жили мечтой о коренном преобразении мира, человека; выполнении грандиозных по масштабности задач, которые возникли в результате доведения до предела максимализма идеалов (Шифман 2022).

Поражение в Крымской войне, произошедшее на фоне всеобщего подъема в ожидании перемен, заставило интеллигенцию заговорить о проблемах вслух. Как многие его современники, Л.Н. Толстой решил высказаться, написав произведение, которое раскроет детали личного опыта. Трилогия отражает мучительные попытки великого писателя разобраться в событиях, встревоживших тысячи русских; понять действия англо-французских войск, стремившихся оторгнуть от России Литву, Белоруссию, юго-западную Украину, Крым (Медведева 2018: 42).

В июне 1853 года Россия вступила в войну за Придунайские княжества с Турцией, Англией, Францией. Однако нападение на полуостров в сентябре 1854 года все равно застало царское правительство врасплох. Власти считали десант с моря маловероятным. Оттого, когда он произошел, высшие круги в Петербурге охватила настоящая паника. Там мгновенно поверили в невозможность удержать Севастополь. Ровно через месяц перепуганный Николай говорил: «Дело предстоит не в сохранении, а в обратном завоевании Крыма» (Щербакова 2022: 103). В мыслях царь уже отдавал полуостров врагу. По стране распространялись самые мрачные слухи. Европейские газеты тут же стали кричали о скором падении города.

Л.Н. Толстого, в то время приписанный к Дунайской армии, был поражен развитием событий. Хотя он ожидал чего-то подобного. Писателю приходилось обеспечивать

деятельность гарнизона, расположенного в Бухаресте; часто посещать расположения войск, которые находились в Молдавии, Валахии, Бессарабии; принимать участие в осадах (объектом самой значительной из них оказалась турецкая крепость Силистрия). Везде его огорчали медлительность, глупость высшего командования; тяжелые условия существования солдат, часто резко контрастирующие с роскошью жилищ офицерского состава; отсталость русской армии, ее слабая техническая оснащенность (Ильичев 2023: 70).

Когда начались активные боевые действия, молодой лейтенант считал, что служба при тихом штабе противоречит его совести. Писатель решил ехать в зону прямого конфликта по зову сердца, без назначения. При первом же вторжении врага в Крым Л.Н. Толстой подает рапорт о переводе на полуостров. Настаивает, требует, бьется за право быть на передовой. Благодаря огромной настойчивости сразу после высадки англо-французский войск под Севастополем он попадает в Крымскую армию (Белоусова 2016: 8).

Первые серьезные испытания его системы ценностей: поражения при Альме, под Инкерманом, которые показались ему предательскими, возмутительными убийствами. Хотя вскоре Л.Н. Толстой понял, что, несмотря на огромные потери, эти сражения нельзя считать решающими. В отличие от боев во время осады, обороны Севастополя, которые длились около года. В ноябре, декабре великий романист часто приезжает в Севастополь по делам службы, проводя там по несколько дней (Маслова 2016: 135).

Это был момент некоторого ослабления, замедления военных действий. Для полевой русской армии, стоявшей в окрестностях города, – время восстановления, покоя; для гарнизона города – борьба без передышки. Французская и английская артиллерии продолжали бомбардировки. Руководитель инженерной обороны Севастополя полковник Тотлебен очень торопился с земляными работами, возведением череды укреплений (Лапин 2023).

Солдаты, матросы трудились под дождем со снегом, без зимней одежды, полуголодные. Однако работали так, что французский генерал Конробер даже спустя сорок лет продолжал восторгаться, вспоминая мужество и героизм шестнадцати тысяч моряков, которые почти все полегли вместе с тремя адмиралами (Корниловым, Нахимовым, Истоминым), защищая порученные им в обороне Севастополя рубежи. Неприятельский главнокомандующий характеризовал защитников города как самоотверженных, бесстрашных, несокрушимо стойких людей (Щербакова 2023: 93).

Спокойный, бодрый дух, царивший в осажденной, уже довольно сильно разрушенной крепости, поразил Л.Н. Толстого, укрепил его веру в великую моральную силу русского народа, заставил взяться за создание части «Севастополь в декабре месяце». Рассказ был закончен в апреле 1855 года, когда молодой лейтенант сражался на самом опасном и прославленном укреплении – четвертом бастионе. Здесь писатель прослужил полтора месяца (Белоусова 2016: 8).

В мае 1855 года Л.Н. Толстой был переведен в войска, расположенные на позициях при реке Бельбек в десяти верстах от Севастополя. За несколько дней до этого, в ночь на 11 мая,

произошло ожесточенное сражение за ложементы, прорытые защитниками города в двух местах перед укреплениями. В результате сражения большая часть траншей была захвачена французами, что значительно приблизило неприятеля к оборонительным укреплениям Севастополя. Плодом горьких раздумий об этом сражении, его результатах стал рассказ «Севастополь в мае» (Белоусова 2016: 9).

Третья часть показывает Севастополь в августе 1855 года. Это был последний, самый страшный месяц долгой осады, время непрерывных, жесточайших, одинаково сильных ночью и днем бомбардировок. Одна из них, длившаяся четверо суток, завершилась сокрушительным штурмом. Город был сдан. Л. Н. Толстой оказался свидетелем тяжелого события, даже какое-то время командовал пятью артиллерийскими орудиями. Непосредственное участие в боевых действиях окончательно сформировало отношение молодого лейтенанта к войне. Он начал воспринимать ее как неоднозначную ситуацию, в которой более выпукло проявляются героизм (подвиг, самопожертвование, патриотизм) и трагедия (гибель, разорение, нравственное падение) человеческой жизни (Белоусова 2016: 9).

«Севастопольские рассказы» являются познанием русской действительности в гнетущих обстоятельствах неудачной войны. Речь в очерках идет об общественных событиях, определивших жизнь всего русского народа в эпоху, когда примеры героизма отдельного человека помогали сохранить боевой дух всего народа. В трилогии основная роль отведена рассказчику. Он самостоятелен, существует вне зависимости от других действующих лиц; обладает истинной свободой, которая позволяет ему непрерывно присутствовать в повествовании. Это особый герой, рассказывающий о событиях с определенной долей объективизма; подчеркивающий личное отношение к любой ситуации; пытающийся внушить читателям собственные взгляды (Шифман 2022).

Трилогия написана в жанре очерка. В первой части – «Севастополь в декабре месяце» – изображается общая панорама сражающегося города. Здесь отсутствуют выделенные герои, зато очень ярко передается атмосфера обороны: дух героического подъема, единое бодрое настроение, которым охвачена сопротивляющаяся крепость. Во втором и третьем очерках есть индивидуализированные действующие лица. Однако их судьбы, которые должны, по законам жанра, формировать сюжет, с первых страниц определяются глобальным ходом событий. Можно сказать, что очерковость базового построения именно в таком толковании зависимости человеческой жизни от поражений и побед (Юлдашева 2020: 215).

Стремление к абсолютно точному фиксированию правды войны в материальной конкретности, во всей ее противоречивости согласуется с предельной безотносительностью общего сюжета. Впрочем, при более полном погружении в произведение становится понятным, что эта отвлеченная натуральность передачи разворачивающихся событий открывает возможность довольно точного детального рассмотрения сиюминутных подробностей индивидуальной судьбы. Четкость, непосредственная достоверность каждого шага героев делает читателя незримым соглядатаем, погруженным в действие,

наблюдающим, как трагизм обстоятельств с необыкновенной выпуклостью способствует внутреннему раскрытию поведения человека (Юлдашева 2020: 216).

Правде происходящего соответствует истина переживания. Огромное значение приобретают душевные реакции героев, которые помогают осмыслить детали разворачивающихся событий. В основе этих эмоциональных исканий лежат глубокие философские вопросы: «Где во время вооруженного конфликта выражение зла, которого следует избегать?», «Где в моменты боев воплощение добра, которому нужно подражать?», «Каковы они, герои войны?», «Кто на фронте способен стать злодеем?». Поиск универсальных ответов многих мыслителей убеждает в неоднозначности войны. Так случилось со Л.Н. Толстым, когда он попал в осажденный Севастополь (Зорина, Богданова 2018).

В результате писатель стал рассматривать боевые действия с двух сторон. Прежде всего, как арену, где происходит битва героев, дух которой выражается в крови, страданиях, смерти, неприятно изумляя человека, впервые въезжающего в город. В глаза такому приезжему сразу бросается отвратительный беспорядок, «странное смешение лагерной и городской жизни, прекрасного места и грязного бивуака» (Толстой 2020: 15). Все здесь пронизано трагизмом, свидетельствует о переступании через законы бытия, агрессии против самых глубоких основ существования, его внутренней меры, целесообразности, необходимости; попытке заменить закон владычеством воли отдельной горстки людей; проявлении разрушающей силы, способной уничтожить, изувечить любого человека (Линде 2022: 53).

Страшные последствия столкновения с ней особенно заметны в госпитале. В палатах находится множество солдат с ампутированными конечностями. В операционных доктора с окровавленными руками и бледными усталыми лицами отсекают конечности раненым, под парами хлороформа шепчущим простые, трогательные слова; фельдшеры бросают в угол отрезанные части человеческого тела; пациенты приходят в себя с криками, стонами. Идея бесчеловечности происходящего подчеркнута спокойным, мерным ритмом повествования, использованием эпитетов «отвратительные», «ужасные», «мертвые», «тусклые», усилением контраста происходящего в госпитале и на улице, которая радуется чистым, свежим воздухом (Токарев 2017: 125).

Вполне закономерно то, что, выйдя из лечебного учреждения, человек, считающийся самым высшим существом, чувствует себя червяком, неким ничтожеством, смерть которого ничего не значит. Потому что начинает понимать: главная трагедия войны – постоянно снижающаяся цена человеческой жизни на фоне тотального равнодушия людей друг к другу. Оттого вполне уместным всем собравшимся в трактире кажется такой разговор: «А у меня нынче лучшего комендора убило, прямо в лоб вцепило.» – «Кого это? Митюхина?» – «Нет. Да что, дадут ли мне телятины? Вот каналы. Не Митюхина, а Абросимова» (Толстой 2020: 23). Диалог завершают полные безразличия слова офицера о том, что на бастионе каждый

день убивают семь-восемь человек. Так что даже однажды кто-то из солдат, убирая труп погибшего друга, посчитал нужным только сказать, что от тела дух нечистый.

Каждый эпизод усиливает мысль о том, что война одновременно убивает людей физически и духовно, заставляя их ощущать себя бесправной массой. Тот же, кто утратил понимание собственной ценности, по мнению автора, теряет умение решать конфликты. Писатель постоянно доказывает теорию бессмысленности вооруженной борьбы. Вспомним: «шесть месяцев длится война, и тысячи людских самолюбий успели оскорбиться, тысячи успели удовлетвориться, надуться, тысячи – успокоиться в объятиях смерти, а вопрос все еще не решен» (Толстой 2020: 34).

Пафосный, возвышенный стиль подчеркивает горькую тщетность развязывания войны. Автор прямо говорит об этом: «А вопрос, не решенный дипломатами, еще меньше решается порохом и кровью» (Толстой 2020: 35). Все оттого, считает Л. Н. Толстой, что человечество пытается доказать правоту с помощью войн, вместо того чтобы обратиться к высшим силам, опереться на веру, разум, моральные ценности, способность искать компромиссы. Однако автор понимает, что кровопролитие уже развязано, дорога назад отрезана; нужно искать срочный выход. Например, устроить битву героев, выведя с каждой стороны на сражение по самому лучшему солдату (Проскурина 2018: 371).

Глубоко символичное предложение. Вряд ли одно мыслящее существо сможет убить другое в таком бессмысленном бою. Во-первых, помешает отсутствие серьезных мотивов: простые рекруты – малообразованные крестьяне и рабочие, оторванные от мирных будничных дел, брошенные в гущу кровопролитных боев ради интересов горсточки власть предержащих, – едва ли поймут подоплеку происходящего. Во-вторых, воспрепятствуют доброта, благоразумие, высший инстинкт беречь жизни собратьев, которым наделены обычные люди (Ходел 2021: 221).

Писатель тут же спрашивает, почему же человека, который мудр, разумен, создан по образу и подобию Божьему, так легко заставить воевать (Шафранская 2021: 223). А немного позже дает ответ, из которого следует: войну следует еще воспринимать как сцену балагана сумасшедших. На передовой Л.Н. Толстой окончательно убеждается в том, что происходящее является безумием, охотно участвовать в котором могут исключительно психически неполноценные люди, нуждающиеся в помощи извне. Такую поддержку этим больным может оказать лишь все исцеляющая природа. Пусть она зажжет звезду мира, посмотрев на которую солдаты осознают, что они творят, участвуя в войне; падут на колени перед тем, кто их создал, «вложил в душу каждого вместе со страхом смерти любовь к добру и прекрасному»; раскаются, по-братски обнимутся (Толстой 2020: 92).

Однако пока противостояние продолжается. Идет бесконечная борьба. Она заставляет военное руководство надевать и снимать звездочки; защитников – держать оборону; мирных жителей – прислушиваться к звукам, раздающимся с бастионов; нападающих – с невольным трепетом смотреть «на черную изрытую землю Севастополя, торчащие дула орудий»; гигантские толпы людей – стремиться «с разнородными интересами к этому роковому

месту» (Толстой 2020: 34). Война толкает людей к совершению поспешных, бездумных действий. Бестолковость этой деятельности становится особенно заметной, когда всходит светлое весеннее солнце, которое «поднимается над английскими работами, переходит на бастионы, потом на город» (Толстой 2020: 82).

Оно появляется, стремясь продолжить жизнь каждого, кого война оскорбляет, чей земной путь она прерывает. Однако пока агрессивное начало побеждает, так что животворному светилу остается только озарят сцены смерти, пытаюсь красотой и добротой ярких лучей заставить забыть о жесткости, извращенности случившегося (Токарев 2017: 124). Потому, хоть «сотни свежих окровавленных тел людей ... лежали на росистой цветущей долине; ... а все так же, как и в прежние дни, обещающая радость, любовь и счастье всему ожившему миру, выплыло могучее, прекрасное светило» (Толстой 2020: 83).

Дальше день вступает в права. По высокому ясному небу лениво плывут огненные длинные облака. Небо на востоке постепенно окрашивается в нежно-розовые тона. Медленно зажигается румяная заря, уменьшая мерцание звезд, которые с каждой секундой тускнеют. Просыпаясь, шумит почти черное море, закутываясь в белоснежный туман, который потихоньку ветер относит к берегу. Когда становится светло, волны меняют цвет, приобретают перламутрово-синий оттенок, начинают играть. Одни горы трупов, да оставшаяся под ними черная, взрытая пулями и снарядами земля (оскверненный боями символ плодородия), неизменны (Александрова 2021: 159).

Картина великолепна и отвратительна одновременно, так же как многие участники трилогии одинаково хороши и дурны. Калугин, поступками которого двигают блестящая храбрость, тщеславие; Праскухин, ничтожный, мягкотелый человек; Михайлов, поражающий стеснительностью, узостью воззрений; Перст, который напоминает ужасного ребенка, пренебрегающего правилами, мало похожи на классических злодеев или героев. Иногда они в границах нормы среднего человека, порой опускаются совсем низко, превращаясь в откровенно плохих, грубых людей; однако в итоге исключительности зла в них все-таки нет (Романов 2020: 70).

Быть такими их заставляет война. Она теперь руководит судьбами действующих лиц, обуславливая каждый шаг. Потому процесс развития героев (рост личности, основные переломы духовной жизни, переживания) описываются Л.Н. Толстым столь же подробно, как перипетии сюжета. Писатель со множеством деталей рассказывает историю духовного совершенствования Михайлова, подробно раскрывает переживания Володи Козельцова и отчасти его брата, много говорит о размышлениях Праскухина, повествующих о пробуждении в его душе голоса настоящей искренности, чистой правды (Самойлова 2018: 67).

Автор показывает самые тонкие и скрытые чувства действующих лиц, обнаруживает противоречивость их переживаний, несовпадение сказанного ими с внутренними, настоящими желаниями, помыслами. Писатель стремится внести ясность, осветить темные, скрытые уголки души, отыскав для этого в языке нужный оттенок смысла (Юлдашева 2020:

216). Например, описывая эмоции офицеров, идущих по обстреливаемой местности, Л.Н. Толстой заставляет каждого из них вести неслышимый разговор с самим собой. Праскухин думает о том, что они очень медленно идут. Ему хочется побежать, но из боязни прослыть затем трусом со слов «этой скотины Михайлова», он сдерживается. Михайлов спрашивает себя, зачем Праскухин идет с ним. В мыслях он называет ротмистра «предвестником несчастья» (Толстой 2020: 69).

Так автор разрушает шаблон, который требует говорить о доблестях, подвигах как о чем-то необычном, особенном, протекающем в иных измерениях, чем повседневная жизнь людей. Л. Н. Толстой постоянно доказывает, что на краю гибели, находясь в осажденном городе, исход борьбы за который может поменять решительным образом жизнь народа, люди остаются такими же, какими были до предельной ситуации. Автор стремится с абсолютной правдивостью показать, что героическое и обычное (повседневное) жизненно взаимосвязаны, органически переходят одно в другое. Особенно выпукло гармоническое сосуществование этих кажущихся со стороны несоединимых начал показывает очерк «Севастополь в декабре месяце», изображающий общую панораму сражающегося города (Маслова 2016: 136).

Рассказчик спокойно идет по улицам Северной стороны, повествуя о ежедневных утренних хлопотах жителей; доходит до пристани, садится в ялик, чтобы попасть на Графскую. Привычные крики возчиков, плеск весел вдруг перекрываются «величественными звуками стрельбы» (Толстой 2020: 13). В этот момент при виде приближающегося Севастополя у автора сердце бьется сильнее, душа наполняется самыми возвышенными чувствами. Самообладание автору возвращает прогулка по городу. Спокойствие (что тоже признак храбрости), деловитость, бодрость духа, характерные для защитников города, который уже со всех сторон окружен превосходящими силами противника, подчеркивают повседневные мужество и героизм обычных людей.

В основном солдат, матросов. Ведь для Л.Н. Толстого народ всегда представлял идеал праведной жизни. Офицеров же, даже показывающих примеры героизма, смелых, свыкшихся с опасностью, воодушевленных уверенностью в благополучном завершении боев, писатель рисует со снисходительной иронией, в каждом подчеркивая черты мелочного тщеславия. Вот рассказчик заходит в трактир и замечает подвыпившего пехотного офицера, который, делясь воспоминаниями об Альминском сражении, заметно уклоняется от строгого повествования истины. Позже на четвертом бастионе автор видит офицера, «из тщеславия или просто так, чтобы доставить себе удовольствие» начинающего артиллерийскую перестрелку, жертвой которой становится один из матросов (Толстой 2020: 28).

Рассказчик постоянно старается показать, как участие в боевых действиях трагически меняет представителей военного начальствующего состава. Особенно сильно, по мнению автора, ухудшаются характеры командиров, которые, хоть стараются честно, до конца выполнить воинский объективно-патриотический долг, однако повинуются разного рода недостойным страстям, главная из которых – гордыня. Отличный пример: адъютант

Калугин, бравады ради высовывающийся из бастиона, чтобы удивить смелостью бойцов, полгода обороняющих крепость. У них такое поведение вызывает лишь стыд: понятно же, что глупо рисковать хрупкой жизнью ради пустого тщеславия. Показательно поведение Перста: случайно убив в бою одного француза, юнкер стал считать себя чрезвычайно храбрым (Щербакова 2022: 111).

Эти командиры очень сомнительные герои войны, однако они хотя бы пытаются воевать, отстаивать Отчизну. Им противопоставлены адъютант Гальцин, поручик Непшитшетский. Гальцин, рассуждая о доблестях, подвигах, удивляется, как люди в грязном белье, во вшах, с запачканными руками могут быть храбры. Для него имеет значение только увлекательная часть войны, исключительно внешнее: парады, награждения, битвы (причем ведущиеся другими), шествия, красивые похороны. Он относит себя к смельчакам только потому, что видел, как в нескольких шагах от него взорвалась бомба. Но мы ясно видим его трусливую сущность: когда началась канонада, он содрогнулся «при одной мысли быть там» (Толстой 2020: 54). Поручик Непшитшетский осуждает солдат, которые помогают тяжело раненым добраться до госпиталя; ругает их за отсутствие гордости, патриотизма. Но сам он не спешит на передовую.

Вообще героизм офицеров у Л.Н. Толстого довольно неоднозначен. На это явственно указывает сцена гибели павшего за царя и Отчизну Праскухина. Когда ротмистр понял, что бомба упала рядом с ним, смерть уже рядом, он попробовал задуматься о чем-нибудь великом, соответствующем серьезности минуты. Однако в его голове лишь зароились ничтожные, скучные мысли. Праскухин погибает, показывая мужество, но остается низкой личностью. На пороге смерти достойный человек должен думать о несовершенном добре, сожалеть о вольных и невольных злых поступках, беспокоиться о родных. Этот же герой погружается в мелочные переживания (Зорина, Богданова 2018).

Мелкие чувства вообще создают основной эмоциональный фон эпизодов, в которых участвуют офицеры. Особенно сильно недоброжелательное отношение друг к другу у представителей командного состава. Война, которая затрагивает каждого, способна вмешаться в судьбу любого, является трагедией, объединяющей народ, лишь сильнее разделяет командиров. Даже во время затишья между боями, когда офицеры просто гуляют (Ходел 2021: 222). Штабные выступают гордо. Они проникнуты чувством собственной уникальности, ощущением избранности. Их породистые лица напоминают идеальные маски, глаза смотрят высокомерно, выражают презрение к окружающим, бесконечное самодовольство. Рядом робко проходят боевые офицеры, стоящие в социальной иерархии того времени значительно ниже. Каждый из них постоянно пытается приблизиться к штабным, хотя бы условно присоединиться к местной светской элите. Но все старания примкнуть к аристократам выглядят жалко: чем сильнее не-аристократы пытаются войти в этот круг, тем более неприступным ледяным становится поведение аристократов (Самойлова 2018: 66).

Злобу подпитывает лицемерие. Вот офицеры-аристократы, удобно расположившись в Штабе, обсуждают подвиги пехотных, восхищаются дворянами, которые находятся на передовой. Каждый высказывающийся производит впечатление доброго, честного малого, уважающего тех, кто сражается на поле брани. Вся компания добродушна. Едва же входит один из получивших столь лестные характеристики пехотных, штабные мгновенно меняются. Калугин с оскорбительной холодностью предлагает вошедшему подождать, тут же поворачивается к Гальцину, задавая какой-то вопрос по-французски. Пехотный замирает, начиная мучительно думать, куда деть руки.

Проходит несколько часов. Калугин и Гальцин внимательно смотрят в окно, наблюдая за разыгрывающейся ожесточенной боевой стычкой. Вдруг на улице появляется тот же офицер. Завязывается разговор об атаке ложементов, которая была отбита с помощью подоспевшего батальона. Пехотный сообщает, что многие офицеры (в том числе полковой командир) убиты, потому приказано просить подкрепление. Офицер держится свободно, отвечает на вопросы сердито, говорит без робости или смущения. Кратко сообщив новости, он без доклада быстро проходит к генералу. Теперь уже штабным приходится стесняться, заискивать.

В момент гибели нации многие офицеры продолжают играть роли, что выглядит особенно жалко перед лицом жестокой реальности. Драматичные военные события, вроде, должны положить конец противостоянию штабных и боевых офицеров, завершить споры о том, кто важнее. Однако нелепое состязание уже не остановить. Вовлекаясь в него, многие командиры порой ведут себя довольно театрально. Упомянутый выше пехотный офицер сначала слишком уж теряется, потом в отместку становится избыточно развязен; ведет себя вызывающе, теша тщеславие. Храбрость Калугина кажется демонстративной, пока он не совершает действительно смелый поступок. Даже опасные для жизни условия не заставили Праскухина выйти из образа трагического актера. Увидев крутящуюся рядом бомбу, он закрывает лицо руками, падает на колени, воображает, как потом, когда погибнет Михайлов, станет жаловаться, что было много крови. Лишь смерть ротмистра помогает забыть о нелепом поведении, поверить в его способность перестать быть сомнительной личностью, обрести значительность (Щелкова 2018: 78).

Михайлов, наоборот, действует, как комический герой, переживания которого мало соответствуют положению. На фоне погибающего товарища он выглядит еще смешнее. Впрочем, автор иронизирует без стремления дискредитировать офицера. Просто чтобы дать объективное представление о том, как все происходит. Михайлов даже здесь остается верен себе. В поведении штабс-капитана резкие переходы от страха к смелости сопровождаются довольно мелкими чувствами, растянуты по времени, описываются в очень четкой последовательности. Оттого читатель поначалу сомневается в бесстрашии Михайлова. Предубеждение исчезает, лишь когда штабс-капитан внезапно проявляет мужество. Мы сразу верим, что все, что рассказывается о его необыкновенной храбрости, является чистой правдой (Александрова 2021: 158).

Михайлов не одинок: многие герои войны, описанные в трилогии, идут к подвигам тяжелым путем. Возьмем братьев Козельцовых. Они родные люди, однако чувствуют себя чужими друг другу, противоположными по характеру. Во многом такая заметная разница объясняется различием социального, жизненного опыта. Володя, едва закончивший военное училище и впервые попавший в осажденный Севастополь, все воспринимает очень остро. Для Михаила, который возвращается в часть из госпиталя, вид сопротивляющегося города привычен. Братья отличаются, но их роднят храбрость, сила духа, осознание необходимости выполнения долга – то, что помогает сохранять достоинство во время боя (Щербакова 2023: 99).

Потому они настолько осознанно жертвуют собой, спасая Отечество. Хотя героизм братьев Козельцовых тоже вполне земной, обычный. Михаила трудно назвать святым. Он ничем не напоминает борца за добро из поучительных рассказов. Это реальное существо, выросшее на материальной почве. Сегодня он на безобразной офицерской попойке проигрывается в пух и прах. Завтра – мужественно гибнет на поле брани. Старший Козельцов тщеславен, строит жизнь на самоутверждении. Однако в развитии сюжета честолюбие это перерастает в чувство собственного достоинства. Это свойство настолько органично дополняется волевой самостоятельностью, что трудно дать ему однозначно положительную или отрицательную оценку (Линде 2022: 53).

Именно оно помогло разгореться благородной искре героизма, лежащей на дне души поручика; дало силы сохранить разум в роковые минуты, действовать твердо, умереть спокойно: «Смерть не испугала Козельцова. Он взял слабыми руками крест, прижал его к губам и заплакал. ...Он спросил, выбили ли француза везде и, узнав, что «да», почувствовал блаженство. На минуту в нем мелькнула мысль о брате, и он подумал: «Дай ему Бог такого же счастья» (Толстой 2020: 169). Кончина Михаила описывается извне, объективно, без социального углубления в переходные внутренние состояния. Этим автор подчеркивает, что такие люди, как Козельцов-старший, во время боя делают все от них зависящее, отдают максимум сил; их гибель в высоком смысле является победой духа (Юлдашева 2020: 217).

Столь же неоднозначно характеризуется Владимир. Временами он храбрый и бесстрашный, иногда – напуганный и трусливый. Смена диаметрально противоположных чувств в душе новоиспеченного прапорщика порой происходит настолько стремительно, что заставляет читателя задуматься о том, насколько тяжело юношам поддерживать гармонию внутреннего мира, соблюдать приличия в объективно трагических условиях. Разрушение нормальных отношений, разрыв жизненных связей, свойственные военной обстановке, сильно потрясли совсем очень неопытного Володю. Панику перед доселе неизвестными ему грозными обстоятельствами младший Козельцов готов истолковать как проявление малодушия. Ему горько от этого постыдного, внезапно открывшегося чувства. Однако это не трусость, а скорее растерянность. Оттого он так горячо просит Господа о помощи, быстро обретает в молитве поддержку, достаточно легко успокаивается и потом всю ночь глубоко спит под гул продолжающейся канонады, звон дрожащих стекол (Щербакова 2022: 163).

Позже мы видим Володю, командующего артиллерийской батареей. Он сражается в окружении солдат, успевших за несколько часов полюбить его. Рождение героического начала – так еще можно определить тему развития образа Козельцова-младшего. Самое сильное впечатление готовность Володи к подвигу производит на Вланга. Юнкер труслив, на него мало действуют примеры героизма окружающих. Однако он настолько проникается смелостью обожаемого командира, что в момент, когда французы овладевают батареей, в отчаянном бешенстве становится на мгновение храбрым, хватается гандшпуг, чтобы обороняться, и бежит в траншею, зовя за собой Володю. Обычный рычаг для подъема тяжестей становится оружием, заурядный человек превращается в героя.

Видим, что резкая смена чувств, манеры поведения остается лейтмотивом всей трилогии. Это вполне объяснимо. Очерки посвящены людям, которые умеют противостоять опасным обстоятельствам, способны пожертвовать собой для спасения Отечества; показывают истинную смелость без примеси раболепия, глупости, самонадеянности. Раскрыть глубину трагизма жизни этих героев невозможно без описания борьбы с пораженческими мыслями, колебаний между трусливым выжиданием и храброй активностью, переходов от страха к бесстрашию. Акцент же именно на смятении чувств, необъяснимости поступков помогает обнажить двуличие войны, которая, с одной стороны, усиливает героическое начало в характере бойцов, с другой, – трагически подрывает их духовное здоровье.

ЛИТЕРАТУРА

Александрова Е.В. Крымская война в рецепции Е.П. Ковалевского и Л.Н. Толстого // Имагология и компаративистика. 2021. № 15. С. 156-172.

Белоусова Е.В. Нравственное влияние Н.Н. Толстого на младшего брата (по материалам дневника и переписки Л.Н. Толстого) // Вестник Томского государственного университета. 2016. № 409. С. 5-13.

Зорина Е.Д., Богданова Л.А. Ужас войны в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого // Синергия наук. 2018. № 30. <https://clck.ru/3АНRyt>

Ильичев А.В. Русская армия накануне Крымской войны: между мифом и реальностью // Genesis: исторические исследования. 2023. № 9. С. 57-77.

Лапин В.В. Мы всех всегда били, бьем и будем бить // LENTA.RU. <https://clck.ru/3АНRjw>

Линде А.Н. Ф.М. Достоевский, Л.Н. Толстой о соотношении личности, индивида и общества // Философская мысль. 2022. № 7. С. 47-54.

Маслова Е.А. Становление эпического в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого // Ученые записки Казанского университета. 2016. Т. 158. Кн. 1. С. 133-145.

Медведева О.Э. Причины Крымской (Восточной) войны в современной отечественной историографии // Наука, образование и культура. 2018. № 12 (36). С. 40-45.

Проскурина Т.Д. Прославление мира как естественного состояния жизни в «Севастопольских рассказах» Л.Н. Толстого // *Мировая наука*. 2018. №12 (21). С. 370-374.

Романов Д.А. Лексические и стилистические характеристики цикла Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы» (по материалам текстового комментария) // *Вестник Череповецкого государственного университета*. 2020. № 5. С. 68-81.

Самойлова Г.М. События крымской войны в гендерном аспекте (глазами Екатерины Бакуниной и Льва Толстого) // *Вестник Курганского государственного университета*. 2018. № 3. С. 57-77.

Токарев Г.В. Особенности языкового воплощения представлений о войне в художественном и публицистическом творчестве Л.Н. Толстого // *Вестник Волгоградского университета*. 2017. Серия 2: Языкознание. № 4. Т. 16. С. 121-128.

Толстой Л.Н. Севастопольские рассказы. М.: Искатель, 2020. 176 с.

Ходел Р. Лев Толстой и проза Платонова 1941–1945 гг. // *Studia Litterarum*. 2021. № 2. Т. 6. С. 212-236.

Шафранская Э.Ф. Л.Н. Толстой и Н.Н. Карзин: литературное взаимовлияние // *Филология и культура*. 2021. № 2(64). С. 219-224.

Шифман А.И. Литература эпохи крымской войны и «Севастопольские рассказы» Льва Толстого. <https://clck.ru/3AQkXd>

Щелкова Л.И. От правды будней Севастополя к окопной правде Сталинграда: опыт сопоставления «Севастопольских рассказов» Л.Н. Толстого и «В окопах Сталинграда» В.П. Некрасова // *Cross-Cultural Studies*. 2018. Т. 3. № 3. С. 74-80.

Щербакова М.И. Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого: духовные смыслы крымской войны // *Studia Litterarum*. 2022. Т. 7. № 2. С. 162-173.

Щербакова М.И. Севастопольские рассказы Л.Н. Толстого как документ эпохи // *Два века русской классики*. 2023. Т. 5. № 2. С. 90-103.

Юлдашева А.Х. О природе художественных приемов в цикле очерков Л.Н. Толстого «Севастопольские рассказы» // *Молодой ученый*. 2020. № 45(335). С. 215-217.

REFERENCES

Aleksandrova, E.V. (2021). Kry`mskaya vojna v recepcii E.P. Kovalevskogo i L.N. Tolstogo. *Imagologiya i komparativistika*. № 15. S. 156-172.

Belousova, E.V. (2016). Nравственное влияние N.N. Tolstogo na mladshogo brata (po materialam dnevnika i perepiski L.N. Tolstogo). *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 409. S. 5-13.

Zorina, E.D., & Bogdanova, L.A. (2018). Uzhas vojny` v «Sevastopol`skix rasskazax» L.N. Tolstogo. *Sinergiya nauk*. № 30. <https://clck.ru/3AHRyt>

П`ichev, A.V. (2023). Russkaya armiya nakanune Kry`mskoj vojny`: mezhdumifom i real`nost`yu. *Genesis: istoricheskie issledovaniya*. № 9. S. 57-77.

Lapin, V.V. My` vsekh vseгда bili, b`em i budem bit`. *LENTA.RU*. <https://clck.ru/3AHRjw>

Linde, A.N. (2022). F.M. Dostoevskij, L.N. Tolstoj o sootnoshenii lichnosti, individa i obshhestva. *Filosofskaya my`sl`*. № 7. S. 47-54.

Maslova, E.A. (2016). Stanovlenie e`picheskogo v «Sevastopol`skix rasskazax» L.N. Tolstogo. *Ucheny`e zapiski Kazanskogo universiteta*. T. 158. Kn. 1. S. 133-145.

Medvedeva, O.E`. (2018). Prichiny` Kry`mskoj (Vostochnoj) vojny` v sovremennoj otechestvennoj istoriografii. *Nauka, obrazovanie i kul`tura*. № 12(36). S. 40-45.

Proskurina, T.D. (2018). Proslavlenie mira kak estestvennogo sostoyaniya zhizni v «Sevastopol`skix rasskazax» L.N. Tolstogo. *Mirovaya nauka*. № 12(21). S. 370-374.

Romanov, D.A. (2020). Leksicheskie i stilisticheskie karakteristiki cikla L.N. Tolstogo «Sevastopol`skie rasskazy`» (po materialam tekstovogo kommentariya). *Vestnik Cherepoveczkogo gosudarstvennogo universiteta*. № 5. S. 68-81.

Samojlova, G.M. (2018). Soby`tiya kry`mskoj vojny` v gendernom aspekte (glazami Ekateriny` Bakuninoj i L`va Tolstogo). *Vestnik Kurganskogo gosudarstvennogo universiteta*. № 3. S. 57-77.

Tokarev, G.V. (2017). Osobennosti yazy`kovogo voploshheniya predstavlenij o vojne v xudozhestvennom i publicisticheskom tvorcestve L.N. Tolstogo. *Vestnik Volgogradskogo universiteta*. Seriya 2: Yazy`koznanie. № 4. T. 16. S. 121-128.

Tolstoj, L.N. (2020). Sevastopol`skie rasskazy`. M.: Iskatel`. 176 s.

Xodel, R. (2021). Lev Tolstoj i proza Platonova 1941–1945 gg. *Studia Litterarum*. № 2. T. 6. S. 212-236.

Shafranskaya, E`.F. (2021). L.N. Tolstoj i N.N. Karazin: literaturnoe vzaimovliyanie. *Filologiya i kul`tura*. № 2(64). S. 219-224.

Shifman, A.I. Literatura e`poxi kry`mskoj vojny` i «Sevastopol`skie rasskazy`» L`va Tolstogo. <https://clck.ru/3AQkXd>

Shhelkova, L.I. (2018). Ot pravdy` budnej Sevastopolya k okopnoj pravde Stalingrada: opy`t sopostavleniya «Sevastopol`skix rasskazov» L.N. Tolstogo i «V okopax Stalingrada» V.P. Nekrasova. *Cross-Cultural Studies*. T. 3. № 3. S. 74-80.

Shherbakova, M.I. (2022). Sevastopol`skie rasskazy` L.N. Tolstogo: duxovny`e smy`sly` kry`mskoj vojny`. *Studia Litterarum*. T. 7. № 2. S. 162-173.

Shherbakova, M.I. (2023). Sevastopol`skie rasskazy` L.N. Tolstogo kak dokument e`poxi. *Dva veka russkoj klassiki*. T. 5. № 2. S. 90-103.

Yuldasheva, A.X. (2020). O prirode xudozhestvenny`x priemov v cikle ocherkov L.N. Tolstogo «Sevastopol`skie rasskazy`». *Molodoj ucheny`j*. № 45(335). S. 215-217.

© Буханцова Е.В., 2024